

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.74.139-149

UDC: 343

Criminal procedure ≠ criminal justice

Abstract: The article deals with current problems and possible options for the further development of criminal procedure law on the basis of an analysis of unity, differences and the ratio of pretrial and judicial stages of proceedings in a criminal case. Examining in historical context such categories as the purpose, tasks and destination of criminal procedure, the author comes to the conviction of the fallacy of the identification of the concepts of criminal procedure and criminal justice that has become familiar. Based on the functional purpose of the main (authority) subjects of criminal procedure, the forms of their interaction, the ratio of pretrial and judicial proceedings are determined. The conclusion is formulated on the need to move to differentiated regulation of the pretrial stage of the criminal process as a sphere of activity of the bodies of accusatory power (preliminary investigation) and judicial stages as an area of functioning of the judiciary. Awareness of the difference in goals and objectives solved during criminal proceedings by subjects of the prosecution and judicial authorities allows us to hypothesize about the need to differentiate the principles of criminal procedure in relation to each of its two parts. The proposed idea should help to solve the most significant problems of criminal procedure law.

Key words: criminal procedure; criminal justice; pretrial proceedings; preliminary investigation; adversarial; goals and objectives of criminal procedure.

References

1. Elkind P. S. *Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom ugovolno-protsessual'nom prave* [Goals and means of achieving them in Soviet criminal procedure law]. Leningrad: Izd-vo LGU , 1976, 142 p. [in Russian].
2. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa. T. 1* [Course of the Soviet criminal process. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1968, 468 p. [in Russian].
3. *Sovetskii ugovolnyi protsess. Chast' obshchaya: uchebnik dlya vuzov MVD SSSR. Otv. red. B. A. Viktorov, V. E. Chugunov* [Viktorov B. A., Chugunov V. E. (Eds.) Soviet criminal trial. The general part: textbook for universities of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow: VSh MVD SSSR , 1973, 253 p. [in Russian].
4. Cheltsov M. A. *Sovetskii ugovolnyi protsess. Vyp. II (1929)* [Soviet criminal process Issue P. (1929). Cited by: Cheltsov (Cheltsov-Bebutov) M.A. *Izbrannoe. T. 2: sbornik nauchnykh trudov; sost. T. Yu. Vil'kova, M.I. Voronin; otv.red. L.A. Voskobitova* [Selections. Volume 2: collection of scientific works. Compiled by Vil'kova T. Yu., Voronin M.I.; Voskobitova L.A. (Ed.). Moscow: OOO «Prospekt», 2017, 736 p. [in Russian].
5. Savitsky V.M. *Prokurorskii nadzor za doznaniem i predvaritel'nym sledstviem* [Prosecutor's supervision of the inquiry and preliminary investigation]. Moscow: Gosyurizdat, 1959, 262 p. [in Russian].

♦ **Lazareva Valentina A.** – Doctor of Laws, Professor, Professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University (Russian Federation). E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

6. *Gosudarstvennyi obvinitel' v sovetskom sude. Pod obshch. red. zam. General'nogo prokurora SSSR V.A. Boldyreva* [Boldyrev V.A. (Ed.) State prosecutor in Soviet court]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1954, 307 p. [in Russian].

7. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. *Ugolovnyi protsess: uchebnik dlya vuzov po spetsial'nosti i napravleniyu podgotovki «Yurisprudentsiya». 5-e izd., pererab.* [Criminal process: textbook for universities in the specialty and direction of training «Jurisprudence». 5th edition, revised]. Moscow: Norma, 2013, 767 p. IS BN 978-5-91768-324-9 [in Russian].

8. Maslennikova L. N. *Publichnoe i dispozitivnoe nachalo v уголовном судопроизводстве Ros-sii: spetsial'nost': avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Public and dispositive principle in criminal proceedings in Russia: author's abstract of Doctoral of Laws thesis]. Moscow, 2000, 47 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30211363>. EDN: <https://elibrary.ru/zlczqz> [in Russian].

9. Mikhailovskaya I.B. *Sudy i sud'i: nezavisimost' i upravlyaemost': monografiya* [Courts and judges: independence and manageability: monograph]. Moscow: ООО «Перспектива», 2019, 128 p. ISBN 978-5-392-30102-7. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39543202>. EDN : <https://elibrary.ru/pitoaj> [in Russian].

10. Manova N.S. *Dosudebnoe i sudebnoe proizvodstvo: sushchnost' i problemy differentsiatsii protsessual'nykh form: monografiya. Pod red. V.M. Kornukova* [Pretrial and judicial proceedings: essence and problems of differentiation of procedural forms: monograph; Kornukov V. M. (Ed.)]. Saratov: Sarat. gos. akad. prava, 2003. IS BN 5-7924-0254-X. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20003932>. EDN : <https://elibrary.ru/qvtdkz> [in Russian].

11. Foinitskiy I.Ya. *Kurs уголовного судопроизводства. Т. 1* [Course of criminal proceedings. Vol. 1]. Saint Petersburg: Al'fa, 1996, 552 p. [In Russian].

12. Morshchakova T. G. *Predislovie «Krizis pravosudiya?»* [Preface «Crisis of justice?»]. In: *Otkrytye glaza rossiiskoi Femidy. Krasnov M. A., Mishina E.A.; pod obshch. red. T. G. Morshchakovoi; Fond «Liberal'naya missiya»* [Krasnov M.A., Mishina E. A. Open eyes of Russian Themis; Morshchakova T. G. (Ed.)]. Moscow: Liberal'naya missiya, 2007. IS BN 978-5-903135-02-8. Available at: <https://publications.hse.ru/books/82225690> [in Russian].

Original source – Lazareva V.A. – *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*. Tom 9, No. 3 (2023) // *Juridical Herald of Samara University*. Vol. 9. No. 3 (2023) – <https://journals.ssau.ru/jjsu/issue/view/615>

Лазарева В.А.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.74.139-149

УДК: 343

Уголовный процесс ≠ уголовное судопроизводство

Аннотация: Рассматриваются актуальные проблемы и возможные варианты дальнейшего развития уголовно-процессуального права на основе анализа единства, различий и соотношения досудебного и судебного этапов производства по делу о преступлении – уголов-

♦ Лазарева Валентина Александровна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева (Российская Федерация). E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

ному делу. Исследуя в историческом контексте такие категории, как цель, задачи и назначение уголовно-процессуальной деятельности, автор приходит к убеждению об ошибочности ставшего привычным отождествления понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». Исходя из функционального назначения основных (властных) субъектов уголовно-процессуальной деятельности, определяются формы их взаимодействия, соотношение досудебного и судебного производств. Формулируется вывод о необходимости перехода к дифференцированному регулированию досудебного этапа уголовного процесса как сферы деятельности органов обвинительной власти (предварительного расследования) и судебных стадий как области функционирования судебной власти. Осознание разности целей и задач, решаемых в ходе производства по уголовному делу субъектами обвинительной и судебной властей, позволяет выдвинуть гипотезу о необходимости дифференциации принципов уголовно-процессуальной деятельности применительно к каждой из двух ее частей. Предлагаемое должно способствовать решению наиболее существенных проблем уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; досудебное производство; предварительное расследование; состязательность; цели и задачи уголовного процесса.

Введение

Не секрет, что уголовно-процессуальное право в РФ по-прежнему вызывает много нареканий; на наш взгляд, сегодня даже больше, чем до принятия в 2001 году нового УПК. УПК РСФСР, не претендовавший на состязательность в качестве принципа уголовного процесса, до определенного времени не вызывал столь острых, как сегодня, дискуссий ни по вопросу об уровне гарантий прав личности, ни по набору и последовательности процедурных операций, и в целом был для того времени достаточно сбалансирован, логичен и понятен правоприменителю. После масштабной реформы, проведенной вследствие бурных социально-экономических и политических преобразований в стране в конце XX века, мы получили Уголовно-процессуальный кодекс, который соответствовал духу нового времени, представлял собой состязательную, в целом, модель уголовного процесса и закреплял соответствующую ей систему демократических принципов, направленных на обеспечение прав и свобод личности. Однако множественные, порой бессистемные и противоречивые изменения и дополнения, регулярно вносимые в уголовно-процессуальный закон, лишили его целостности. Сегодня правовые нормы зачастую дублируют друг друга, местами – и достаточно часто – излишне многословны, а потому сложны для целостного восприятия. Но что важнее, Уголовно-процессуальный кодекс утратил важнейшие положения своей первоначальной редакции, а состязательность из системообразующего принципа уголовного процесса низведена до прежнего уровня равноправия сторон как одного из общих условий судебного разбирательства. Можно утверждать, что попытка создания нового уголовного процесса провалилась, фактически мы вернулись к дореформенным правилам уголовного судопроизводства. Однако учитывая значительное усложнение за это время структуры уголовного процесса, прежние правила уже не обеспечивают его эффективного правового регулирования. Новый уголовный процесс не вписывается в старые рамки, но он и «не дотягивает» до замысла реформаторов, если считать в качестве такового идеи, сконцентрированные в Концепции судебной реформы в РФ, утвержденной Президиумом Верховного Совета РСФСР в 1992 году.

Несовершенство правового регулирования – не единственная, но серьезная причина недостаточно эффективной и потому вызывающей нарекания работы дознавателей, следователей, прокуроров и судей. Следователи и дознаватели зачастую руководствуются некритически воспринимаемыми ими стихийно сформировавшимися стандартами практики и указаниями своих процессуальных руководителей, судьи же в большей степени ориентированы на руководящие постановления Пленума Верховного Суда РФ, которыми в целях формирования единообразного понимания и применения закона объясняются неоднозначно воспринимаемые практиками положения УПК. При этом в постановлениях Пленума, как правило, дословно воспроизводятся и правовые нормы, чем усиливается ориентация судей именно на постановления Пленума, а не на закон.

Не способствует повышению эффективности уголовно-процессуальной деятельности отсутствие единообразного понимания уголовно-процессуального закона и перспектив его развития среди теоретиков, воспитывающих новые поколения юристов и формулирующих предложения *de lege ferenda*. В каком направлении уголовно-процессуальное законодательство и практика его применения должны совершенствоваться, если формулируемые теорией предложения разнонаправленны? Каким все-таки мы хотим видеть уголовный процесс – состязательным или нацеленным на установление объективной истины? В чем корень его проблем? Поиск ответов на эти вопросы и составляет цель настоящего исследования.

Исследовательская часть

Взятая за основу и отраженная в названии статьи рабочая гипотеза основана на разности понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство», хотя действующий закон, что очевидно, исходит из их тождества. Достаточно вспомнить положения ст. 5 УПК РФ, согласно п. 56 которой уголовное судопроизводство – это и досудебное, и судебное производство по уголовному делу, а участники уголовного судопроизводства в п. 57 той же статьи определены как лица, участвующие в уголовном процессе. Однако проблема, которую мы поднимаем, отнюдь не терминологическая.

Отождествление уголовного процесса с уголовным судопроизводством, имеющее в своей основе идею целостности и единства досудебной и судебной частей уголовного процесса, объединенных общими целями и задачами, основанных на общей системе принципов, произошло не сегодня. Достаточно, не погружаясь в более отдаленные исторические времена, вспомнить статьи 2, 3, 20 УПК РСФСР, которыми на суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание (ныне дознавателя), возлагались общие цели и общие задачи:

- быстро и полно раскрыть преступление,
- изобличить виновного,
- обеспечить правильное применение закона, с тем чтобы
- каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Уголовное судопроизводство должно было способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию населения в духе неуклонного исполнения законов и соблюдения правил социалистического (помним о времени принятия этого закона) общежития.

Вопрос о том, что считать целью, а что задачами уголовного процесса, не имел и в то время единого понимания: чаще всего эти понятия просто не разграничивались [1, с. 29; 2, с. 40–41]. Закон не содержал определения цели уголовного процесса, хотя ряд его положений

позволял считать таковой установление или раскрытие истины (см., например, ч. 1 ст. 89, ч. 2 ст. 257 УПК РСФСР), однако для настоящего исследования не это является значимым. Значение здесь имеет то, что для выполнения общих для всех перечисленных выше субъектов (следователя, прокурора и суда) задач на них возлагалась общая же обязанность – в каждом случае обнаружения признаков преступления возбудить уголовное дело и принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в его совершении и к их наказанию (ст. 3 УПК РСФСР). В этих целях суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны были принять все предусмотренные законом меры для полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств совершенного преступления, выявить как уличающие обвиняемого, так и оправдывающие его обстоятельства (ст. 20 УПК РСФСР). В целом же советский уголовный процесс все еще рассматривался как орудие борьбы с преступностью [3, с. 73], как совокупность действий, направленных к осуществлению карательной обязанности (всех) государственных органов юстиции [4, с. 12]. При этом досудебному производству формально отводилась подчиненная роль, поскольку обоснованно считалось, что возбуждение и предварительное расследование производится «вне суда, до суда и для суда» [5, с. 8], то есть для того, чтобы представить в распоряжение суда все данные, необходимые для того, чтобы он мог осуществить правосудие [6, с. 114], рассмотреть и разрешить уголовное дело [2, с. 9-10]. Отсюда и название общесоюзного нормативного правового акта – Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1958 г.)¹. Спустя 40 лет эту абсолютно правильную, по нашему мнению, мысль повторяют многие современные авторы: деятельность органов предварительного расследования и прокуратуры на досудебных стадиях уголовного процесса важна не сама по себе – она по-прежнему осуществляется до суда и для суда, создает необходимые предпосылки для осуществления правосудия [7, с. 28]. Однако фактически досудебное производство в уголовном процессе и в то время играло, и сегодня продолжает играть доминирующую роль, подчиняя себе судебное разбирательство. Постановление судом приговора, расходящегося с результатами расследования и позицией государственного обвинителя, рассматривалось тогда и рассматривается сейчас почти как недопустимое, оценивается как брак работы органов расследования или суда, а в последнем случае и как основание для оспаривания приговора. Ликвидированный было вначале институт возвращения уголовного дела для доследования достаточно быстро занял привычное место в системе ординарных способов исправления следственных ошибок, как в объеме обвинения, квалификации преступления, так и в доказательственном материале. Расследование, являющееся по отношению к судопроизводству предварительным, фактически продолжает доминировать над судебной деятельностью. Вместо того, чтобы подчинить расследование высоким стандартам правосудия, на что фактически и указывает включение досудебного производства в состав судопроизводства, именно суд, связанный результатами расследования, по-прежнему подчинен его интересам, снижает уровень требований к его качеству. Отождествление уголовного процесса с уголовным судопроизводством при таких обстоятельствах стало чем-то само собой разумеющимся.

Определенную роль в этом вопросе играет и естественная аналогия уголовного процесса с процессами гражданским, арбитражным и административным, которые «на законных

¹ Очевидно, по этой же логике, основной закон об уголовном процессе XIX века назывался Устав уголовного судопроизводства (1864), однако надо учитывать, что и следователь, и прокурор тогда входили в состав органов судебной власти.

основаниях» именуется также и как соответствующие виды (формы) судопроизводства. При этом упускается из вида, что отождествление понятий «процесс» и «судопроизводство» в каждом из этих случаев в отличие от уголовного процесса обусловлено отсутствием досудебной части. Двойная терминология, уместная и естественная для гражданского, арбитражного и административного, хотя и с оговорками, процесса, к уголовному процессу не применима. Так, может быть, пришло время откровенно и честно констатировать очевидное – понятиями «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» обозначаются нетождественные виды деятельности?

Размежевание понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» предполагает осознание коренных различий между досудебным и судебным производством, в первую очередь, по стоящим перед ними целям и решаемым на том или ином этапе задачам. Признание этого факта влечет потребность рассмотрения вопроса о единстве и/или дифференциации принципов, подчиняющих себе процессуальную деятельность органов предварительного расследования, и принципов, лежащих в основе правил осуществления правосудия. Только разобравшись в этих вопросах, мы сможем понять причины наиболее существенных проблем уголовного процесса России, природу недостатков уголовно-процессуальной деятельности, а значит, попытаться определить пути исправления ситуации, повышения качества правового регулирования и эффективности правоприменительной деятельности как следователей, прокуроров, так и судей.

Подготовка ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса происходила в условиях критического пересмотра советского (социалистического) концепта уголовного процесса. Провозглашение в Конституции РФ, а затем и в УПК РФ состязательности в качестве альтернативной формы и основы уголовно-процессуальной деятельности, как казалось, должно было изменить принципы организации и взаимодействия органов уголовного преследования и суда, однако, насколько кардинальными, достаточными и последовательными оказались эти изменения?

Уголовный процесс, как вид государственной деятельности, не утратил и не мог утратить своей публично-правовой природы вследствие введения в него принципа состязательности. Публичное начало, не доведенное до абсурда, не исключает диспозитивности в уголовном процессе [8, с. 20, 35]. Переориентация на защиту прав и свобод личности не придает уголовному процессу частно-искового характера, поскольку согласно ст. 2 Конституции РФ, служить интересам человека есть основное предназначение и смысл функционирования государственной власти. В ходе производства по уголовному делу, как и прежде, должны были быть решены задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных, обеспечения правильного применения уголовного закона, справедливого наказания виновного, но... эти задачи уже не могут возлагаться в равной мере на суд, следователя и прокурора – в силу принципа состязательности, основанного на разделении и распределении между ними процессуальных функций, каждый из властных субъектов должен решать свои собственные задачи, не совпадающие с задачами других лиц. Раскрывать преступления, изобличать виновных – задача органов расследования, правильно применять уголовный закон, обеспечивать справедливое наказание виновных – задача суда. Прокурор обязан обеспечить законность досудебного производства и, пользуясь его результатами, доказывать в суде виновность обвиняемого, добиваясь как правильного разрешения дела по существу обвинения, так и правильного применения уголовного закона в части квалификации деяния и наказания ви-

нового. Задачи, как видим, остаются прежними, но в условиях разделения процессуальных функций их решение распределяется между субъектами, эти функции реализующими. Функциональный подход, лежащий в основе принципа состязательности, и должен был, по законодательной логике, привести к формированию уголовного процесса нового типа. К сожалению, все годы действия УПК РФ закон шаг за шагом развивается в обратном направлении.

Для иллюстрации возьмем упраздненный в 2001 году институт дополнительного расследования. Начиная с 2008 года в ст. 237 УПК РФ (возвращение судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению на этапе назначения судебного заседания, а по-старому – предания суду) вносились изменения, последовательно возрождающие в уголовном процессе институт возвращения судом уголовного дела для организации производства дополнительного расследования, несмотря на то, что еще постановлением Конституционного суда РФ от 20.04.1999 №7-П его (института) существенная часть была признана несоответствующей конституционному принципу состязательности уголовного судопроизводства. Возвращая уголовное дело прокурору, суд инициирует продолжение следственной деятельности, направленной на обоснование обвинения, а значит, выполняет не свойственную ему в состязательном процессе обвинительную функцию, поскольку при недоказанности или сомнительности обвинения подсудимый вправе рассчитывать на вынесение оправдательного приговора или на исключение из обвинения квалифицирующих признаков и не подтвердившихся эпизодов преступления. Конституционный суд РФ указал, что даже при наличии соответствующего ходатайства государственного обвинителя суд не обязан следовать ему – он должен принимать решение исходя из конституционных положений о толковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого². Под влиянием этого Постановления, принятого еще в период действия УПК РСФСР, ст. 237 УПК РФ в первоначальной редакции не допускала возможности использования института возвращения уголовного дела прокурору в качестве средства восполнения неполноты предварительного расследования³. Однако постепенно законодатель не только возвратил в практику именно дополнительное расследование, то есть производство следственных действий, восполняющих недостатки доказательственного материала, но и возможность ухудшения при этом положения обвиняемого путем предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления. И если первоначально еще сохранялось в качестве обязательного условия наличие инициативы стороны обвинения⁴, то начиная с 2014 года суд вправе принять такое решение и по собственной инициативе, если фактические данные, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении или постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, признаков более тяжкого пре-

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

ступления, общественно опасного деяния или если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства он установит фактические данные, указывающие на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого или лица, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния (п. 6 ч. 1 ст. 237). Фактически произошел возврат к прежней концепции активной роли в уголовном процессе суда, не связанного позицией сторон и действующего в общественных (публичных) интересах. Сам по себе такой поворот не имеет негативной коннотации, однако явно ставит под сомнение принцип состязательности, который выступает и как процедурная предпосылка независимости суда от органов уголовного преследования [9, с. 33]. Уголовно-процессуальное законодательство медленно, но верно дрейфует от обозначившейся на рубеже веков перспективы развития в направлении состязательного уголовного процесса в сторону усиления его публичного начала.

Мы не ставим здесь своей задачей обоснование преимуществ той или иной системы организации уголовного процесса, задача иная – найти в уголовном процессе правильное место реализации каждого из начал – публичного и состязательного. Учитывая исторически сложившийся смешанный характер российского уголовного процесса, поставленная задача не представляется теоретически слишком сложной. Давно – и справедливо – отмечено, что состязательность имеет возможности для реализации исключительно в судебных процедурах, при осуществлении процессуальных функций разными участниками процесса [5, с. 97]. Досудебное производство – сфера преимущественно публичного интереса, хотя состязательность оказывает и на него свое влияние, поскольку ожидается, что результаты расследования будут подвергнуты придирчивому анализу и оценке независимого от органов уголовного преследования суда. Однако в рассматриваемой ситуации мы имеем дело со смешением процессуальных функций, ведущим к утрате судом объективности, поскольку, выражая мнение о необходимости квалификации преступления как более тяжкого, чем то, которое исходит от органа уголовного преследования, суд вопреки требованиям ст. 15 УПК не просто выступает в качестве обвинителя, но занимает более строгую, чем сам обвинитель, позицию.

Таким образом, уголовный процесс в России нуждается в более последовательном размежевании компетенций его властных субъектов, чем то, что мы имеем сегодня, а досудебное и судебное производства требуют дифференцированного подхода к правовому регулированию, включая определение стоящих перед его субъектами целей, решаемых ими задач и – возможно – принципов, на коих основана эта деятельность.

Цель, стоящая перед органами предварительного расследования, а значит и перед самим расследованием, ясна – оно, расследование, производится для того, чтобы обеспечить реализацию уголовного закона, возможность применения к нарушителю этого закона предусмотренной им санкции. Какие для достижения этой цели должны быть решены задачи? И на этот вопрос ответ представляется очевидным – задачами предварительного расследования являются установление события преступления, выявление и изобличение лица, его совершившего.

Цель судебной деятельности состоит в том, чтобы справедливо разрешить уголовно-правовой конфликт, дать ответ на поставленный перед судом вопрос о виновности или невиновности обвиняемого. Для ее достижения суд должен создать справедливые условия выполнения сторонами возложенных на них обязанностей и реализации принадлежащих им прав; объективно и беспристрастно рассмотреть, проверить и оценить представляемые сто-

ронами доказательства, правильно применить уголовный закон, как в части юридической квалификации деяния, так и в части наказания, мотивировать принимаемое решение. Несовпадение целей и задач досудебного и судебного производств обусловлено очевидной и принципиальной разностью функций, реализуемых органами предварительного расследования и судом, на взаимную связь которых указывает Н.С. Манова [10, с. 20]. Отсюда следует и разное отношение органов предварительного расследования и суда к назначению уголовного судопроизводства. Если деятельность по расследованию преступления объективно *способствует* защите прав и законных интересов потерпевших при условии недопущения нарушения прав подозреваемых, обвиняемых, то в процессе осуществления правосудия это назначение уголовного судопроизводства *реализуется*. Попытки распространить положения ст. 6 УПК РФ на досудебное производство точно так же противоречат логике состязательного процесса, как в прежние времена ей противоречило возложение на суд обязанности быстро и полно раскрывать преступления и изобличать виновных. Самое время вспомнить слова И. Я. Фойницкого: задача правосудия состоит «в *судебном* ограждении прав, законом дарованных, против всех нарушений» [11, с. 8], в том числе со стороны органов уголовного преследования. Возможно, чувствуя это, разработчики УПК РФ в названии ст. 6 УПК интуитивно использовали именно это понятие – уголовное судопроизводство, но учитывая вышеизложенное, трудно отрицать, что понятие «уголовное судопроизводство» не аналогично понятию «уголовный процесс», как не аналогичны и сами эти виды деятельности. Судопроизводство (судебное производство, производство в суде) есть составляющая уголовного процесса, включающего в себя и досудебное производство. В этой логике п. 56 ст. 5 УПК РФ правильно было бы сформулировать так: «уголовный процесс – досудебное и судебное производство по уголовному делу», то есть привести формулировку этого пункта в соответствие со структурой УПК.

Осознав принципиальное различие между понятиями «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство», мы получаем основания для совершенствования как каждой из частей уголовного процесса, так и в целом уголовно-процессуальной деятельности. Ее неполная разделенность, препятствующая развитию состязательности, тормозит становление самостоятельной и независимой судебной власти как средства самоограничения государства, признавшего приоритет прав и свобод человека [12, с. 7]. Сохранение общих для всех властных субъектов уголовного процесса обязанностей продолжает порождать в судебной деятельности пресловутый обвинительный уклон,

а в работе следователей и прокуроров – «иждивенческие» тенденции.

Сохранению этих тенденций способствует и ряд положений современного доказательственного права, активно поддерживаемых наукой. Нельзя не указать на содержание главы 11 УПК, однозначно «привязывающее» суд к участникам уголовного процесса, выполняющим функцию уголовного преследования, через общие полномочия по собиранию, проверке и оценке доказательств и общую цель – установление обстоятельств, подлежащих согласно ст. 73 УПК РФ *доказыванию*. В качестве естественного, «идеологически выверенного» основания этого тезиса до сих пор используется концепция объективной истины, к установлению которой обязываются все представляющие в уголовном процессе государственную власть должностные лица и органы. Ст. 85 УПК РФ, очевидно отражающая «овладевшие массами» представления о доказывании, сложившиеся в теории доказательств в не состязательный период развития уголовно-процессуального законодательства, противоречит принципам как

состязательности, так и презумпции невиновности, тормозит обретение судебной властью независимости (прежде всего от одной из сторон) и препятствует осознанию ответственности за процесс и результат доказывания теми субъектами, на которых она в силу ч. 2 ст. 14 УПК возложена.

Выводы

Проблем вследствие смешения понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» значительно больше, чем было показано, но осознав причину, мы получаем возможность выработать стратегию их преодоления, определить этапы этого пути и рассмотреть варианты законодательных изменений. Не менее важным может быть и преодоление хотя бы некоторых, пусть и не самых принципиальных, из множества теоретических разногласий. В первую очередь, кроме отмены дополнительного расследования, мы видим актуальным решение вопроса о допустимости отмены вступившего в законную силу оправдательного приговора, исключение возможности использования в качестве доказательств показаний и заключений, полученных в не состязательной процедуре в ходе досудебного производства.

Библиография

1. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. - Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1976. - 142 с.
2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. - Москва: Наука, 1968. - 468 с.
3. Советский уголовный процесс. Часть общая: учебник для вузов МВД СССР / отв. ред. Б.А. Викторов, В.Е. Чугунов. - Москва: ВШ МВД СССР. 1973. - 253 с.
4. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Вып. II (1929). Цит. по: Чельцов (Чельцов-Бебутов) М.А. Избранное. Т. 2: сборник научных трудов / сост. Т.Ю. Вилкова, М.И. Воронин; отв. ред. Л. А. Воскобитова. - Москва: Проспект, 2017. - 736 с.
5. Савицкий В.М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. - Москва: Госюриздат, 1959. - 262 с.
6. Государственный обвинитель в советском суде / под общ. ред. зам. Генерального прокурора СССР В.А. Болдырева. - Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1954. - 307 с.
7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция». 5-е изд., перераб. - Москва: Норма, 2013. - 767 с. IS BN 978-5-91768-324-9.
8. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начало в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2000. 47 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30211363>. EDN : <https://elibrary.ru/zlczqz>.
9. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость: монография. Москва: ООО «Проспект», 2019. - 128 с. ISBN 978-5-392-30102-7. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39543202>. EDN: <https://elibrary.ru/pitoaj>.
10. Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм: монография / под ред. В.М. Корнукова. Саратов: Саратов. гос.

акад. права, 2003. ISBN 5-7924-0254-X. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20003932>. EDN: <https://elibrary.ru/qvtkdz>.

11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. - Санкт-Петербург: Альфа, 1996. - 552 с.

12. Морщакова Т.Г. Предисловие «Кризис правосудия?» // Открытые глаза российской Фемиды. Краснов М. А., Мишина Е. А.; под общ. ред. Т. Г. Морщаковой; Фонд «Либеральная миссия». - Москва: Либеральная миссия, 2007. IS BN 978-5-903135-02-8. URL: <https://publications.hse.ru/books/82225690>.

Первоисточник – Лазарева В.А. – Юридический вестник Самарского университета Том 9, № 3 (2023) - <https://journals.ssau.ru/jjsu/issue/view/615>